

СРЕДНЕВЕКОВЬЕ «АЙВЕНГО»

Бестселлер эпохи романтизма

В завершение этой символической истории Средневековья я хочу остановиться на эпохе романтизма и сказать несколько слов об одном из самых знаменитых произведений, когда-либо написанных об этом периоде истории. Это не ученый труд профессионального историка и не ключевой текст самой средневековой эпохи, а художественное произведение, имевшее самый ошеломительный в истории успех на книжном рынке, и, возможно, самый читаемый в западном мире роман вплоть до начала XX века*: «Айвенго». Слава и значение этой книги были столь велики, что это побуждает нас задаться вопросом о том, где же искать «настоящее» Средневековье: в самих средневековых источниках? В трудах ученых и историков? Или же в литературных и художественных произведениях последующих эпох, которые свободно обращаются с исторической правдой, но которые за счет этого, возможно, в меньшей степени подвержены капризам мод и идеологий? Прошлое, которое пытаются восстановить исследователи, меняется день ото дня — из-за новых открытий, новых вопросов, новых гипотез. А вот прошлое, которое изображается в некоторых художественных произведениях, напротив, приоб-

* Историки литературы долгое время спорили о том, какой «роман» был самым читаемым со времен появления печатной книги: «Дон Кихот», «Айвенго» или «Война и мир». Сегодня споры умолкли: стало известно — и цифры это подтверждают, — что самый читаемый роман принадлежит не Сервантесу, не Скотту и уж точно не Толстому, а Агате Кристи. Причем это не «Десять негрятят», а «Убийство Роджера Экройда».

ретае порой непреложный, архетипический, почти мифологический характер, питая не только наши грезы и чувства, но отчасти и наши знания. «Айвенго» как раз и является таким произведением. Впрочем, так ли уж незыблема граница, отделяющая художественные сочинения от ученых трудов? Уже более тридцати лет я ежедневно провожу несколько часов за изучением средневековых документов, и мне хорошо известно, что эта граница проницаема, что ученые труды тоже являются частью эскапистской литературы и что «настоящее» Средневековье нужно искать не в архивных документах, не в археологических артефактах, и еще того меньше в книгах профессиональных историков, а в произведениях тех художников, поэтов и романистов, которые раз и навсегда сформировали наше воображаемое. И я ничуть об этом не жалею, я этому даже рад.

Невероятный успех на книжном рынке

Когда в декабре 1819 года вышел роман «Айвенго», Вальтеру Скотту было уже сорок восемь⁶²⁷. Он уже несколько лет был известным писателем — как в Шотландии, так и в Англии. В 1813 году он отказался от престижного звания поэта-лауреата Соединенного Королевства, официальной должности, из-за которой ему пришлось бы покинуть Эдинбург и перебраться в Лондон и которая лишила бы его свободы творчества. В следующем году он написал свой первый роман, «Уэверли», забросив на время поэтический труд и сочинение длинных поэм по преданиям и мифам Шотландии, на сегодняшний вкус несколько утомительных. Сразу после публикации «Уэверли» ждал успех, и это побудило Скотта продолжить освоение жанра романа. Так, с 1815 по 1818 год вышло шесть исторических романов, и все были встречены благосклонно. Между тем ни в одном из них действие не перемещалось за пределы Шотландии и не происходило раньше XVI века.

В «Айвенго», который выходит из печати в конце 1819 года, замысел Скотта более амбициозен: теперь история перенесена в Средневековье, в конец XII века и от начала до конца происходит в Англии, в отсутствие короля Ричарда, который отправился в крестовый поход и на обратном пути угодил в плен. Пока он

сидит в заточении сначала в Австрии, потом в Германии, — его брат, принц Джон пытается захватить власть, заручившись поддержкой норманнских баронов и оттеснив последних саксонских сеньоров, хранящих верность Ричарду. В разделенной на два лагеря Англии, которая ждет возвращения своего короля, волей автора разворачиваются разнообразные драматические события: конфликт между властным отцом и свободолюбивым сыном, невозможная любовь между молодой еврейкой и рыцарем-христианином, появление скрывающего свою внешность таинственного «черного рыцаря», а также несколько красочных эпизодов: турнир, осада замка, дело о колдовстве, Божий суд. Читатели Скотта были в полном восторге: ведь все это так необычно, и кроме того, великолепно написано.

И в самом деле, успех пришел незамедлительно, и успех этот был огромен. Книга приносит Вальтеру Скотту славу и состояние. Университеты Оксфорда и Кембриджа присуждают ему степень почетного доктора; шотландские интеллектуальные круги оказывают ему всяческие почести и даже просят его возглавить Эдинбургское королевское общество; наконец, новый король Георг IV дарует ему дворянский титул баронета*. Все эти почести обрушились на Вальтера Скотта в следующие шесть месяцев после выхода книги. 1820 год был, несомненно, самым блистательным годом всей его жизни, и все благодаря «Айвенго». Кроме того, известности сопутствовало богатство: подсчитано, что с этого года и до его смерти (1832) было продано более шести миллионов экземпляров этой книги, учитывая все издания и все переводы. Просто золотая жила! Которая, к несчастью, истощилась из-за невыгодных капиталовложений в рискованные издательские проекты, за чем последовали жесточайшее банкротство (1826) и огромные долги. Чтобы с ними рассчитаться, писатель потратил шесть лет жизни, вложив в это и свой писательский талант, и свое здоровье. Писателем он был, конечно, одаренным, а вот предпринимателем — просто никудышным.

* Вальтер Скотт принадлежал к младшей ветви древнего мелкопоместного дворянского рода, не титулованного и не очень богатого. Титул баронета возвысил Скотта над всеми его родственниками, и он до конца своих дней очень им гордился.

Интерес к Средневековью появился у Вальтера Скотта задолго до написания «Айвенго». В 1800–1805 годах он переводит на современный английский язык ряд литературных текстов XIII и XIV веков, написанных на старофранцузском и среднеанглийском языках. Среди них роман «Сэр Тристрам» в редакции 1350-х годов, в котором рассказывается история Тристана и Изольды и повествуется о приключениях некоторых рыцарей Круглого Стола. Профессиональный адвокат, а затем шериф, широко известный поэт и романист, коллекционер и «антиквар» (в высоком смысле, которое это слово имело в XVIII веке), Скотт также был настоящим ученым, состоял в переписке с самыми выдающимися историками Соединенного Королевства и собрал в своем поместье Эбботсфорд, приобретенном в 1811 году, замечательную библиотеку, которая пополнялась до 1826 года. По мнению современников, он также был филологом и лингвистом, превосходным латинистом, прекрасным знатоком старых шотландских диалектов, переводчиком с французского (его жена была француженкой) и немецкого (еще в молодости он перевел на английский «Геца фон Берлихингена» Гёте)⁶²⁸. К этим признанным достоинствам он еще мечтал добавить репутацию геральдиста, так как геральдика, на его взгляд, являлась благороднейшей из наук, а самым восхитительным языком был язык герба. Так, некоторые его романы просто усеяны описаниями гербов, впрочем, не всегда правильными⁶²⁹.

Его компетентность как историка и даже как медиевиста была признана в 1813 году, когда издатели Британской энциклопедии предложили ему написать статью “Chivalry” («Рыцарство»), для нового, готовившегося в тот момент издания энциклопедии. Скотт прекрасно справился с поставленной задачей. Его обширная и документально обоснованная статья вышла в третьем томе Энциклопедии в 1818 году; она строилась вокруг соответствующего различия между феодальным и военным понятием *kighthood* (специальный термин, обозначающий категорию профессиональных воинов-всадников) и понятием *chivalry*, скорее включающим социальные и культурные коннотации (близким к понятию, которое во французском называется «куртуазией»)⁶³⁰. Работа над этой научной статьей дала ему повод собрать различный мате-

риал, который он через год будет использовать при написании «Айвенго».

Скотт трудился над книгой шесть месяцев, с июня по ноябрь 1819 года, притом, что мать его находилась при смерти и сам он был не в лучшей форме. В этот период он редко выходил из своей библиотеки в Эбботсфорде, проводя все дни над сочинением романа и почти не удосуживаясь перечитывать написанное или проверять — в Эдинбурге или где-нибудь еще — ту или иную историческую деталь. Критика отметила, что это отразилось на его произведении, но публика никогда не судила его строго. Его первый читатель — шотландский издатель Роберт Кэделл — был в восторге и сообщил своим лондонским компаньонам, что к ним в руки попала совершенно замечательная книга, “a most extraordinary book”⁶³¹. Сочинение Скотта вышло одновременно в Эдинбурге и Лондоне в самом конце 1819 года⁶³² в трех томах — более роскошных, чем обычные издания, к которым успели привыкнуть читатели Скотта. В качестве заголовка значилось “Ivanhoe”, а в подзаголовке стояло “A romance”. Публикация этого произведения, как и всех прежних сочинений Скотта, была окутана некоторой тайной: на титуле не было указано имя автора, если не считать приписки «by the author of “Waverley”», «от автора “Уэверли”»; зато предисловие было подписано неким Лоренсом Темплтоном, который утверждал, что при написании этой книги он пользовался англо-нормандской рукописью, которая хранилась у одного из его друзей в поместье на юге Шотландии... Литературная фальсификация в духе романтизма никого не ввела в заблуждение. Все узнали истинного автора.

От истории к роману и обратно

«Айвенго» — главный переломный момент в жизни и творчестве Вальтера Скотта. Роман не только принес ему состояние и славу, но и сделал его известным далеко за пределами Шотландии и Англии. Первое издание вышло в декабре 1819 года тиражом в 10 000 экземпляров, но уже через несколько дней тираж пришлось удвоить, а затем выпустить еще четыре тиража за один только 1820 год и еще три за следующий. Повсюду в Соединенном Королевстве литературному успеху сопутствовал успех ком-

мерческий. Вскоре это распространилось и на Соединенные Штаты, и на всю Европу. Первые американские издания вышли в Бостоне и Филадельфии в марте 1820 года. Первое французское издание романа в переводе Огюста Дефоконпре, увлеченного романами Скотта, вышло в Париже в апреле того же года⁶³³; первый немецкий перевод появился в октябре; затем в течение двух следующих лет вышли переводы на итальянский, испанский, голландский и шведский языки. Во всех странах книгу ждал успех. За переводами вскоре последовали адаптации, сокращенные версии, продолжения, подражания, театральные пьесы, музыкальные драмы, позже оперетты, оперы и издания для детей. Ни Скотт, ни его издатели не могли ни сдерживать, ни контролировать поток изданий, вызванных «Айвенго». Стартовав в 1820 году, они продолжали появляться на протяжении всего XIX века, а в следующем столетии передали эстафету кинематографу, комиксам и затем телесериалам. Кроме того, параллельно этому, по крайней мере до 1850-х годов, публику захлестнула невиданная в истории литературы мода на имена. В Британии и Соединенных Штатах, а также во Франции, Германии и Италии становятся популярны имена главных героев романа: Ровена, Ребекка, Уилфред, Бриан, Седрик и даже Гурт (свинопас!). Даже «Вертер» Гёте — популярность которого на читательском рынке мало кому удалось превзойти — не знал такого успеха.

Литературный и художественный резонанс, последовавший за выходом книги, был не менее значителен, чем ее коммерческий успех. Книга способствовала признанию исторического романа и в течение по крайней мере трех десятилетий являлась источником вдохновения для множества романов, а также драматических, музыкальных и живописных произведений. То, что «Айвенго» в 1820–1850-х годах выступил в роли такого катализатора творческой мысли, сегодня в какой-то степени обходится молчанием или даже сознательно замалчивается предвзято настроенной критикой, однако это неоспоримый исторический факт. Чтобы убедиться в этом, достаточно почитать рецензии на книгу Скотта в литературных журналах. Молодой Виктор Гюго, к примеру, выражает свои читательские восторги в выпуске «Литературного консерватора» за 1826 год, особо подчеркивая, что, на его взгляд, истинным героем романа является прекрасная и печаль-

ная молодая еврейка Ребекка, а не скромный и безликий рыцарь Уилфред Айвенго⁶³⁴. И так почти по всей Европе: поэты, драматурги и романисты в многочисленных предисловиях и рецензиях отдают должное книге Вальтера Скотта, заложившей основы дальнейшей традиции. Не остаются в долгу и художники, которые на протяжении чуть ли не всего XIX века посвящают свои творения этому короткому периоду истории Англии, эпохе царствования Ричарда Львиное Сердце. Упомянем самых выдающихся: Тернер, Энгр, Делакруа, а позже Россетти и Берн-Джонс. «Айвенго» всколыхнул всю романтическую и постромантическую традицию, которая отчасти черпала вдохновение и сюжеты в феодальном Средневековье.

Но значение этой книги не ограничивается только влиянием на литературное и художественное творчество. Ее влияние сказывается даже на работах историков. Среди них Огюстен Тьерри, один из отцов-основателей французской исторической школы; он был первым, кто написал об «Айвенго» в историческом журнале и привлек внимание к основной проблеме романа: разделению Англии на два лагеря и противостоянию саксонцев и норманнов после завоевания королевства герцогом Вильгельмом Нормандским, ставшим английским королем в 1066 году. Начиная с 1825 года Огюстен Тьерри, выпускник Высшей нормальной школы, преподаватель, пионер научной истории, публикует первый из своих великих трудов — «Историю завоевания Англии норманнами, с изложением его причин и последствий для Англии, Шотландии, Ирландии и континентальной Европы от древности до современности»⁶³⁵, внушительное обобщающее историческое исследование, толчком к созданию которого послужил роман Вальтера Скотта. Профессиональный историк не только не ставит под сомнение исторические декорации, выстроенные романистом (которые все-таки в значительной части были плодом воображения последнего) — непримиримое противостояние побежденных саксонцев и норманнов-победителей, которое продолжается спустя сто двадцать восемь лет после завоевания Англии Вильгельмом Завоевателем! — но подтверждает, объясняет, развивает и документально обосновывает большинство исторических вопросов, затронутых Скоттом, часть из которых скорее вышли из-под пера фантазирующего поэта, нежели ученого, придерживающе-

гося фактов. До той поры история всегда служила источником вдохновения для романтической литературы, и зачастую довольно плодотворным. Теперь же романтическое произведение стало мощнейшим источником вдохновения для научной дисциплины — истории.

На протяжении примерно двух поколений «Айвенго» вызывал всеобщее восхищение; затем, в 1860-х годах появилась первая критика. Прежде всего она исходила от университетских историков, которые подметили в романе ряд ошибок и анахронизмов: некоторые были не очень существенными и касались «трубадурской» атмосферы всей первой части книги, другие были более грубыми и необъяснимыми: например, чтение печатной душеспасительной книги, письмо, написанное на листе бумаги, появление монаха-францисканца. Вальтер Скотт, человек широчайшей культуры, вероятно, писал данные фрагменты второпях и забыл, что действие книги происходит в конце XII века. Как бы то ни было, но вскоре его стали критиковать не только по мелочам, но и по существу: в частности, критика ополчилась против образа Ричарда Львиное Сердце, фигуры спорной в отношении и личных, и королевских качеств, и, главным образом, против идеи разделения английского народа на саксонцев и норманнов. Зарождающаяся позитивистская история не находила никаких следов этого так называемого раскола в источниках после 1100–1120 года. И упрекала Скотта в том, что он просто-напросто перенес его более чем на век позже, чтобы отразить в своем повествовании момент рождения и объединения английской нации⁶³⁶. Эта критика обоснованна, но вольное обхождение с историей и хронологией, которое позволяет себе шотландский писатель-англофил, страдающий от непримиримой вражды между англичанами и шотландцами, по-прежнему актуальной и в его время, вполне понятно. Скотт — шотландец, живущий на юге, рядом с английской границей; кроме того, это человек, любящий порядок, сторонник сильной центральной власти; наконец, он связан дружескими узами с регентом, а затем королем (с 1820 года) Георгом IV. Этими, а также некоторыми другими причинами объясняется тот факт, что он мечтает об Объединенном Королевстве, которое действительно было бы объединенным, а также о том, чтобы Англия и Шотландия теснее были бы связаны между собой через

фигуру монарха. В этом смысле роман «Айвенго», центральным героем которого по сути является Англия — Англия разделенная, которую сможет объединить только король Ричард, вернувшийся из плена, — это роман воинствующий.

В 1870-х годах литературное влияние «Айвенго» пошло на убыль. Романтическое Средневековье отходило на задний план, по крайней мере в литературе, а исторический роман не считался больше основным жанром. В конце XIX века некоторые историки английской литературы уже не считали Вальтера Скотта писателем первого плана, а многие исследователи его творчества отныне расценивали «Айвенго» как второстепенное произведение, которое уступает и «Уэверли», и даже стихотворным произведениям его юности. Повествование, по их мнению, плохо построенно, характеры персонажей — упрощены, диалоги — выпрєнны, стиль — витиеват и небрежен, беспрєстанные сравнения с современной автору эпохой выглядят устарело и неуместно. Неумєренные похвалы отныне уступили место несдержанным нападкам. Самый жесткий выпад последовал со стороны критика Джозефа Э. Данкена, который не понимал, почему книга пользуется такой популярностью, и считал, что это произведение относится, в сущности, к детской литературе: “a romantic tale for boys”⁶³⁷, «романтическая сказка для мальчиков». Убийственная фраза, которая получила бóльшую известность, чем тот, кто ее написал, и нанесла роману Скотта немалый ущерб.

Образцовое Средневековье

А ведь и впрямь, начиная с 1900-х годов, выходит масса сокращенных версий, рассчитанных на юношество, как на английском языке, так и в переводах, что только лишний раз подрывает уважение к произведению в глазах литературной и университетской критики. Дискредитация романа ощущается и по сей день, и проявляется это различными способами. Так, например, научная литература, посвященная «Айвенго», весьма ограничена: просто поразительно, что столь прославленной книге посвящено так мало научных исследований; читательское восприятие произведения и мнение о нем литературных критиков расходятся просто до неприличия, по крайней мере разрыв между ними со-

вершенно очевиден⁶³⁸. Стоит отметить и тот факт, что в книжных магазинах некоторых стран сегодня трудно найти полное издание или полный перевод текста «Айвенго». Именно так дело обстоит во Франции, где в продаже можно найти только сокращенные версии, предназначенные для юных читателей. Последнее полное издание текста на французском вышло в 1970 году⁶³⁹ и было быстро распродано. Больше оно не переиздавалось, и до сего дня произведение ни разу не выходило массовым изданием⁶⁴⁰.

И опять перед нами резкий контраст: историки литературы относятся к «Айвенго» с пренебрежением, зато публике книга нравится, нравится история, которая в ней рассказывается, нравятся персонажи, которые в ней изображены. Последние стали едва ли не мифологическими фигурами, подобно Дон Кихоту и Санчо Панса, героям «Трех мушкетеров» или некоторым персонажам Гюго, Достоевского, Пруста или Набокова. Айвенго, Ребекка, Буагильбер известны всем, но кто из нас действительно узнал об их приключениях из оригинального текста Скотта? В американских библиотеках в 1880–1890 годах «Айвенго» оставался по-прежнему самым читаемым романом. Но можно ли сказать то же самое о 1920-х? Наверное, нет. А о 1950-х тем паче. А кто читает «Айвенго» сегодня? Никто или почти никто. Но, справедливости ради, кто сегодня читает «Дон Кихота» или «Трех мушкетеров», не считая тех, кто уже их прочитал и спустя годы решил перечитать?

Однако даже если «Айвенго» больше не читают, это произведение — как вообще всякий шедевр — тем не менее продолжает оказывать влияние, в частности, на выбор профессии будущими медиевистами. И здесь я хотел бы привести два свидетельства, одно — историографическое, другое — из личных наблюдений.

В опросе, проведенном в 1983–1984 годах журналом “*Médiévales*” среди молодых исследователей и признанных историков, фигурировал вопрос: «Откуда у вас появился интерес к Средневековью?» Среди примерно трехсот опрошенных треть утверждали, что рано пробудившемуся интересу к Средним векам они обязаны «Айвенго», будь то книга (как правило, в версии для юношества), будь то фильм «Айвенго» режиссера Ричарда Торпа с участием Роберта Тейлора, Джоан Фонтейн и Элизабет Тейлор в главных ролях, который вышел на экраны в 1952 году⁶⁴¹. Этот

голливудский фильм, не особо уважаемый историками кино, имел ошеломительный международный зрительский успех, и, на мой взгляд, это один из лучших когда-либо снятых фильмов, посвященных средневековой эпохе. Пейзажи, замки, костюмы, гербы, декорации и общая атмосфера достоверно отражают историческую реальность или, по крайней мере, тот образ исторической реальности, который соответствует нашим представлениям. И за счет этой достоверности зритель погружается в знакомый и одновременно сказочный мир. Мне очень жаль, что словари и книги по истории американского кино столь презрительно отзываются об этом фильме. Тем более что для меня, как и для многих других медиевистов моего поколения, с этого фильма началось увлечение Средневековьем. В 1950-х годах я каждое лето проводил в маленьком бретонском городке, там у меня был приятель, бабушке которого принадлежал местный кинотеатр. Так в восемь лет я по знакомству за одну неделю умудрился посмотреть фильм Ричарда Торпа четыре или пять раз, и он, без сомнения, определил мое будущее призвание. Это, конечно, всего лишь занятный случай из жизни, но как показывает опрос журнала "Médiévales", на который я сослался чуть выше, этот пример не единичен. Кстати говоря, это было характерно и для поколения, родившегося до войны: зачастую именно книга Вальтера Скотта пробуждала интерес к Средним векам и становилась первым подступом к тому, что впоследствии развивалось в профессию и даже страсть. Этот путь прошли наши самые выдающиеся историки. Так, Жак Ле Гофф совсем недавно в беседе с Жаном-Морисом де Монреми рассказал, как в возрасте двенадцати лет открыл для себя среди «обширных лесов, покрывавших большую часть красивейших холмов, лежащих между Шеффилдом и веселым городом Донкастером⁶⁴²», то самое Средневековье, что вышло из-под пера Вальтера Скотта. Почему эта книга имела такое мотивирующее значение? Почему начиная с 1820-х годов «Айвенго» поколение за поколением очаровывал читателей, взрослых и юных, мужчин и женщин, британцев, американцев, европейцев и даже азиатов?

Это очарование, возможно, происходит оттого, что шедевр Вальтера Скотта не является по сути ни исторической книгой, ни романом. Впрочем, автор этого и добивался. На титульном

листе первого издания, как мы видели, он особо уточняет, что это “A romance”, а не “A novel”, то есть «фантазия», а не «роман». Для него «Айвенго» — вымышленное произведение; однако действие этого вымышленного произведения четко вписывается в конкретный момент английской истории — полностью укладываясь в десять дней, — а предметом изображения становится судьба нескольких людей, разворачивающаяся на фоне здесь и сейчас рождающейся истории и складывающейся нации. Он ставит перед собой не только чисто развлекательную цель; он также стремится преподнести урок, так как, по его мнению, любое вымышленное историческое повествование несет в себе педагогическое значение.

Кроме того, для читателей Скотта, по крайней мере, тех, кто прочитал его произведение не в 1820-х годах, а позже, и подчас намного позже, «Айвенго», по всей видимости, приобрел со временем все мотивы и архетипические черты, свойственные традиционной сказке: исходная конфликтная ситуация, с массой запретов и противопоставлением положительных и отрицательных героев; затем драматическое развитие, связанное с нарушением запретов (сын не подчиняется отцу, младший брат узурпирует трон старшего, юные любящие сердца не могут соединиться); наконец, наказание предателей, божественное правосудие, возвращение на трон настоящего короля и женитьба героев. Тут есть все, и все организовано на основе нескольких инвариантов, как в сказочном типе сюжета. Придерживаясь этих нескольких базовых схем, любой из нас сможет рассказать сюжет «Айвенго» на свой манер, при этом не исказив его: как раз в этом и состоит сущностная особенность сказки.

Кроме того, все темы и мотивы, которые делают Средневековые Средневековым, уже присутствуют в книге: не только турнир, крестовый поход и осада укрепленного замка, но также король в плену, выкуп, рыцари, тамплиеры, люди вне закона, процесс против колдуньи, — все описано и изображено в мельчайших подробностях (оружие и доспехи, одежда, цвета, гербы, замки, обстановка) и в точности соответствует тем образам Средневековья, которые запечатлены в сознании каждого читателя, — образам увиденным, воспринятым, искаженным и воображаемым. Остается только выяснить, является ли «Айвенго» источником

этого воображаемого Средневековья, которое в большей или меньшей степени является общим для всех, или же истоки его коренятся в более раннем времени, а книга великого писателя просто-напросто выполнила роль катализатора и послужила распространению воображаемого образа. Будущие исследования должны попытаться ответить на этот сложный вопрос.

У меня же, однако, складывается впечатление, что большинство схем и тем, вокруг которых Скотт организует свое повествование, уже присутствовали в коллективном воображаемом задолго до того, как он их использовал. Он, конечно, несколько расширил материал, но совершенно не изменил его структуру. Это архетипическое, незыблемое Средневековье, пришедшее из прошлого, отчасти из самой средневековой эпохи, отчасти из XVII и XVIII веков. Конечно, последние работы историков изменили образ Средневековья во многих отношениях (к примеру, в отношении таких вопросов, как феодальная система или происхождение знати), но по существу они никогда не ставили его под сомнение. И что бы собой ни представляли их передовые гипотезы, вполне вероятно, что и в будущих своих трудах историкам не удастся кардинально его пересмотреть. Нужно ли об этом сожалеть? Стоит ли возмущаться тем, что архетипическое Средневековье подчас сильно расходится с исторической правдой (или тем, что под таковой подразумевается)? Конечно, нет. С одной стороны, потому что воображаемое всегда является частью действительности, и то самое воображаемое Средневековье, которое запечатлено в нашем сознании, вполне реально, сколь бы этот образ ни был аффективным или фантазийным: оно существует, мы его чувствуем, мы его переживаем. С другой стороны, потому что историческая правда подвижна, и цель научного исследования — не зафиксировать ее раз и навсегда, а очертить и понять, как она изменяется. В этой связи я бы хотел в заключение процитировать фразу Марка Блока, фразу, которую историку следовало бы постоянно иметь в виду, что бы он ни изучал, о чем бы он ни размышлял:

«История — это не только то, что произошло, но и то, что из этого сделали⁶⁴³».